

Алла Бурцева

Писательская бригада в Туркменистане 1930-х годов:

ОТ ПУТЕШЕСТВИЯ К ПРОИЗВОДСТВУ ЛИТЕРАТУРЫ

Alla Burtseva

Writers' Brigade in the 1930s Turkmenistan: From the Journey to the Production of Literature

Алла Бурцева (Российский государственный гуманитарный университет, Институт филологии и истории, кафедра истории русской литературы Новейшего времени, преподаватель; кандидат филологических наук) alla.burtseva@gmail.com.

Alla Burtseva (PhD; Lecturer, Department of Contemporary Russian Literature, Institute for Philology and History of the Russian State University for the Humanities) alla.burtseva@gmail.com.

Ключевые слова: советская литература, писательские бригады, туркменская литература, газеты, социология литературы

Key words: Soviet literature, writers' brigades, Turkmen literature, newspapers, sociology of literature

УДК: 821.161.1+821.512.164

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_152

UDC: 821.161.1+821.512.164

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_152

В 1930-е годы формой коллективного литературного производства в СССР стали бригадные поездки. Поездка в Туркменистан — один из случаев, когда советская литературная политика находилась в сложных отношениях с национальной. Публикации в местной прессе позволяют выявить, как воспринимались подобные проекты и какие задачи перед ними ставились. Производство литературного материала в этом случае предполагает следование интересам московского центра, однако значимой оказывается и роль периферии. Производство литературы о периферии и литературы на периферии предполагает не зависимые, а скорее двусторонние отношения, а коллективный творческий результат становится их частью.

In the 1930s, brigade journeys were a form of collective literary production in USSR. A journey to Turkmenistan is one of the cases when literary policy was complexly connected with national policy. Publications in local press provide information on the reception of such projects and their goals. The production of literary material suggests in this case following the interests of the center, but the periphery also presents itself. The production of literature about periphery and literature in the periphery is mediated not only by dependent relationship, but also mutual, and the collective result is a part of this process.

В 1930-е годы в СССР был официально взят курс на развитие так называемых «национальных литератур». Под этим термином понимались литературы разных национальностей, которые должны были влиться в формирующуюся общесоюзную традицию. Особый интерес в этом контексте представляют литературы советской Центральной Азии, так как, помимо прочего, культурное строительство в этом регионе предполагало легитимацию национально-территориального размежевания 1924 года, а также формирование новой идентичности. Это касалось и Туркменистана [Edgar 2006].

В этой статье мы будем использовать термин «литературы советской периферии», а не «национальные литературы». Он представляется более корректным с точки зрения как описания взаимоотношений внутри государства, так и характера ее производства. Вероятнее всего, политика в области литератур

периферии коренилась еще в деятельности РАПП¹. Ситуация Центральной Азии в этом смысле пока освещена мало [Козицкая 2022; Kudaibergenova 2017], но существуют работы, описывающие культурную политику в республиках в целом [Халид 2022; Kassymbekova 2016].

В этой статье речь пойдет об иной составляющей проекта. Как представляется, говоря о литературе советского Туркменистана, нельзя не учитывать и то, что писали о ТССР авторы из центра, в частности из Москвы. Мы исходим из допущения, что подобные тексты представляли собой часть советского литературного и национального проекта, так как репрезентировали культуру Туркменистана. В первую очередь это касается деятельности так называемых писательских бригад.

Писательские бригады — одна из форм коллективного литературного производства. Группа писателей (называемая иногда не просто бригадой, а ударной бригадой) выезжала в одну из советских республик, чтобы затем написать о ней, а также установить контакты с местными писателями. Таким образом, проекты «национальной литературы» и «литературы о жизни республики» сложно отделить друг от друга и можно рассматривать как две составляющие одного. Деятельность бригады имеет все признаки осознания литературы как производственной деятельности. Ее задачи решены заранее, писатели планируют заняться определенными темами, для них составлен маршрут и подготовлен гонорар, установлены связи с местными властями, а в конце ожидается получение продукта, в нашем случае — альманаха.

В 1932 году по материалам поездки писательской бригады ОГИЗа и «Известий ЦИК СССР» в составе Л.М. Леонова, В.А. Луговского, В.В. Иванова, П.А. Павленко, Г.А. Санникова и Н.С. Тихонова был издан альманах «Туркменистан весной». В диссертации К. Холт «Восход внутренней иконографии: образы советской Туркмении в русскоязычной литературе и кино 1921—1935 годов» («The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921—1935») обсуждаются некоторые детали этой поездки [Holt 2013a]. В нашей статье мы будем освещать ее подробности в контексте литературного производства, опираясь на материалы газеты «Туркменская искра».

Бригада отправилась в Туркменистан 22 марта 1930 года. Писатели посетили Ашхабад, Мары, Кушку, Иолотань, Байрам-Али, Керки и Чарджоу. В записных книжках Санникова можно найти подробные заметки, которые он составлял во время путешествия (записи легко датируются 1930 годом по упоминанию о смерти В.В. Маяковского²). Приведем выдержки из них, которые помогают уточнить маршрут бригады.

28 марта Санников отмечает: «Приехали в Ашх[абад.] Вечером встреча в редакции с представ[ителем] правительства»³. 7 апреля он делает запись о посещении «семхоза Байрам-Али» и пометы о поливе растений, 8 апреля упоминает «поселок Мургаб»⁴. Даты в записной книжке по неясной причине

1 Так, Ю.М. Козицкая в диссертации о казахской литературе 1930-х годов обращается к деятельности КазАПП [Козицкая 2022: 24—26]. См. также: [Dobrenko 2022].

2 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 7.

3 Там же. Л. 3.

4 Там же. Л. 3 об., 4.

идут не подряд, следующая помета относится к 4 апреля — упоминается «колхоз Безмеин» и два собрания, а выше — «город Безмеин»⁵. В записи от 6 апреля говорится: «Приехали в Мерв. Дождь, грязь»⁶. Отсюда писатели направляются в колхозы «Азатлык-Ленин (Ленин[ская] свобода), Сталин, Большевик, и Кызыл-Октябрь»⁷, а вернувшись в Мары, Санников описывает свои впечатления от базара. Затем Санников делает помету «Выехали в Кушку. Иолотань»⁸ и описывает дорогу на реку Мургабу к месту ее слияния с Кушкой. Далее следует бытовая деталь: «В Кушку приехали ночью — 12 ч. Холодно. Встретили, разместили всех в одной комнате»⁹. Утром 9 апреля Санников описывает свои впечатления от города и природы Туркменистана. 16 апреля бригада возвращается в Мары, 17 — едет в Байрам-Али, 20 — выезжает в Керки, 21 — посещает Бухару (Санников делает помету «Умирающий город»¹⁰), 23 — прибывает в Керки, переправившись через Амударью, и совершает оттуда поездку в колхоз и на пограничный пункт, 26 — едет на Узбой (пересохшее русло древней реки) и возвращается в Керки, чтобы отправиться в колхозы Карла Маркса, Калинина и Ленина. Записи о Чарджоу, по-видимому, не сохранились.

К. Холт, используя терминологию П. Бурдьё, отмечает, что писатели пытались построить новые, коллективные траектории в литературном поле [Holt 2013a: 285] (см. также: [Holt 2013b]). Действительно, писатели здесь ведут себя в первую очередь как группа, и конечный продукт также становится итогом групповых усилий.

1 апреля 1930 года в газете «Туркменская искра» вышла «Беседа с участниками первой бригады писателей». Материал занимал половину полосы и представлял собой подборку высказываний членов бригады о Туркменистане. Реплика Санникова озаглавлена «Подсмотреть незаметное», и в ней говорится, в частности, следующее:

Наш приезд бригадой в Советский Туркменистан я рассматриваю как первую организованную попытку изучить Туркменистан во всем его многообразии труда, борьбы и строительства, подсмотреть порой незаметные для простого глаза процессы преобразования Советского Востока, углубиться в их революционную, социалистическую сущность и написать об этом¹¹.

Иванов, чье высказывание в материале «Туркменской искры» названо «Коллективным трудом», подчеркивает коллективный характер работы над литературными произведениями, а одной из своих целей видит «изучение революционного прошлого наших республик, изучение наших побед и поражений»¹². В реплике Павленко «Первая попытка» подчеркивается: «Наш план — **написать коллективную книгу, книгу всех жанров...** Это — первая попытка

5 Там же. Л. 6, 5 об.

6 Там же. Л. 7.

7 Там же.

8 Там же. Л. 7 об.

9 Там же.

10 Там же.

11 Для чего мы приехали в Туркмению. Беседа с участниками первой бригады писателей // Туркменская искра. 1930. 1 апреля. Незначительные расхождения орфографии и пунктуации цитируемых источников с современной здесь и далее не воспроизводятся.

12 Там же.

в литературе посмотреть **глазами писательского коллектива** на одни и те же факты и события»¹³.

Самое обширное высказывание — «Познать новую Туркмению» — принадлежит Луговскому. Здесь о коллективном творчестве речи не идет, напротив, он пишет о личных намерениях: «дать» цикл стихов о Туркмении, в том числе об ирригации, биографии «новых людей Туркмении» «в виде поэмы», очерки о туркменской культуре и борьбе с пустыней в стихах в московские газеты и журналы, а также «радиофильм» — «произведение о Туркмении, построенное на звуковых образах»¹⁴. Кроме того, Луговской заговаривает о туркменской литературе:

В такой же степени меня интересуют переводы с туркменского языка, причем не только современных поэтов, но и старых, так как мне хочется уловить подлинно национальные черты туркменской литературы.

В одинаковой степени меня интересует и русская литература о Туркмении¹⁵.

Краткие реплики Тихонова и Леонова носят названия «Подвести итог своим работам» и «Своими глазами». Тихонова, так же, как и Луговского, интересует туркменская литература, он хочет написать цикл стихов, ознакомиться с «оседанием кочевников» и ходом коллективизации, «проследить за историей гражданской войны в Туркмении, а также «написать сценарий из жизни туркмен»¹⁶. Леонов же подчеркивает необходимость борьбы с «экзотикой» за новую культуру¹⁷.

Таким образом, двое из участников бригады (Иванов и Павленко) подчеркивают коллективный характер творчества, двое (Луговской и Тихонов) говорят о личных амбициях. Высказывание Санникова расположено сверху полосы в левом углу и должно, по-видимому, восприниматься как общая декларация. Ключевым тезисом всех реплик становится необходимость «познать Туркмению» и изучить, как она меняется, как рождается «новый советский человек». Писатели обозначают интересные им темы, однако сходятся в одном: они собрались для того, чтобы «подсмотреть незаметное», фактически открыть Туркменистан для советского читателя. Обращение к туркменской литературе, как советской, так и дореволюционной, подчеркивает, что ее производство также становится одной из целей бригады в будущем. Не только периферийная культура должна развиваться в сторону «центра», но и «центр» должен осваивать «периферию», формируя отношение к литературам Центральной Азии, а это, как представляется, подготавливает их «революционное развитие». Проекты литературы о республике и литературы республики оказываются взаимосвязаны.

В «Туркменской искре» поездка освещалась и в других публикациях. Бригада впервые упоминается на ее страницах 17 марта 1930 года в заметке «Ударная бригада писателей. В Туркменистан приедут Вс. Иванов, Павленко, Луговской, Тихонов и Санников»:

---

13 Там же. Здесь и далее различные способы выделения слова в тексте (полуужирный, подчеркивание и т.п.) даны по источнику, если не указано иное.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же. Экзотика здесь понимается, по-видимому, как чрезмерное увлечение ориентальными мотивами.

Москва, 16 марта. Ударная бригада из пяти писателей: Вс. ИВАНОВА, ПАВЛЕНКО, ЛУГОВСКОГО, ТИХОНОВА И САННИКОВА — по приглашению Наркомпроса Туркменистана выезжает через неделю на два месяца в Туркменистан.

Писатели поставили перед собой задачу ОЗНАКОМЛЕНИЯ С КОЛХОЗНЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ И МЕСТНОЙ КУЛЬТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ.

В результате изучения различных моментов культурно-бытовой и сельскохозяйственной жизни Туркменистана эта группа писателей предполагает ИЗДАТЬ ДВЕ КНИГИ, как первый опыт коллективного творчества¹⁸.

Фрагменты, выделенные прописными буквами, подчеркивают характер конечного продукта литературного производства. В Центральной Азии колхозное строительство было более чем актуальной темой, так как регион изначально был мало подготовлен к этому. См., например, у А. Халида: «Число тракторов — этих безусловных символов советского прогресса — было исчезающе малым и могло соперничать только с количеством механиков, умевших их обслуживать»¹⁹. Упоминание о приглашении Наркомпроса Туркменистана подчеркивает заинтересованность местных властей в том, чтобы к ним приехали «московские гости». Это значит, что туркменская сторона становится активным участником литературного производства, она не наблюдает пассивно. Подчеркнутое желание самой туркменской стороны видеть у себя гостей из центра создавало представление о том, что культурная политика СССР не насаждается механически, а органично вливается в существующую ситуацию. То же касалось и производства литературы: пока еще речь идет только о планах писателей из Москвы, однако есть и туркменская литература, которой необходимо развиваться — см. реплику Луговского в предыдущей процитированной заметке. Писатели должны продемонстрировать интерес к ее развитию и, вероятно, поддержать его в том числе за счет собственных текстов.

Упоминание о коллективном характере творчества принципиально. Конечно, до конца коллективное производство воплотить было невозможно, однако тесное общение писателей между собой могло породить определенные формы влияния и создать впечатление, что будущий альманах — это единый текст, пусть и написанный с разными стилевыми и жанровыми особенностями. Следует здесь заметить, что бригада не была уникальной (хотя в «Туркменской искре» она названа первой), подобные проекты позднее будут осуществляться в других республиках, например в Узбекистане и в Грузии.

Намерение издать две книги, по-видимому, осуществлено не было, альманах по материалам этой поездки вышел только один — «Туркменистан весной» (М.; Л.: ГИХЛ, 1932), причем не все произведения соответствовали заявленной теме. Так, «роман в стихах» Санникова «В гостях у египтян» рассказывает о ташкентском ГПУ, Туркменистану посвящена только глава третья, которая поделена на четыре части: вступительную и три «туркменбаллады», как их обозначил сам автор: «О Келифском пути», «О туркменском ковре» и «О погибшем колхозе». Возможно, эта глава была добавлена отдельно — для при-

18 Ударная бригада писателей. В Туркменистан приедут Вс. Иванов, Павленко, Луговской, Тихонов и Санников // Туркменская искра. 1930. 17 марта.

19 Ср. в оригинале: «Tractors—those ubiquitous symbols of Soviet progress—were exceedingly rare, and their scarcity was matched only by that of mechanics who could service them» [Khalid 2021: 225].

вязки произведения к задачам бригады (путешествие писателей проходило через Ташкент, Санников мог использовать материалы, собранные там).

«Горячий, товарищеский привет мастерам слова, приехавшим изучать Советский Восток» был опубликован в «Туркменской искре» 30 марта 1930 года. Две заметки под заголовками «Первая ударная» и «Товарищеская встреча» предваряются следующим утверждением: «ЗАДАЧА НАШИХ ХУДОЖНИКОВ: полнее изобразить в своих произведениях каждый момент невиданной стройки, каждый этап нашего пути к социализму, по которому пойдут угнетенные народы Востока»²⁰. Характеристика «угнетенные», используемая для обозначения дореволюционной ситуации, весьма показательна. Литературное производство писателей из центра, благодаря которому формируются новое сознание и, очевидно, новая литературная элита, — один из способов преодоления такого состояния. Верно и обратное: молодые туркменские литераторы должны участвовать в борьбе за читателя. Это подчеркивается и в заметке:

Приезд московских товарищей имеет не столько литературное, сколько огромное культурное значение, являясь новым подтверждением той интернациональной спайки, которая с каждым годом крепнет между братскими республиками нашего великого Союза²¹.

Кроме того, в заметке цитируется речь Сталина, где впервые появляются мысли о литературе, пролетарской (пока еще не социалистической) по содержанию и национальной по форме. В этой связи автор подчеркивает антиколониальность новой литературы: «Приезд бригады московских писателей, составленной из лучших мастеров художественного слова, красноречиво опровергает все буржуазные басни о “литературном империализме”»²².

О производстве литературы Туркменистана говорится следующее:

Большое значение приезд ударной писательской бригады имеет еще и для установления связи с молодой советской литературой Туркмении. <...> Она расцветет еще пышнее, если будет установлен тесный контакт с литературой братских республик, художественно более сильной, нежели литература туркменская. В ответ на приезд московских писателей Туркмения должна послать в Москву своих талантливых писателей и поэтов²³.

Таким образом, СССР предстает принципиально антиимпериалистическим государством. Новой власти, а следовательно, и новой литературе необходимо отделить себя от понятия имперского, и из-за этого формируется представление о антиколониальном характере советской внутренней политики. При этом речь идет не об империализме вообще, а прежде всего о литературном империализме.

Кроме того, в начале 1930-х годов речь еще не идет о том, что русская литература — первая среди равных. Туркменская литература признаётся недостаточно сильной, но в сравнении с «братскими республиками» вообще, а не с русской в частности. Это позволяет предположить, что для историко-литературной

---

20 Горячий, товарищеский привет мастерам слова, приехавшим изучать Советский Восток // Туркменская искра. 1930. 31 марта.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же.

ситуации 1930-х годов характерно не только влияние центра на периферию, но и установление горизонтальных связей между республиканскими литературами. Также значимо обещание, что туркменская литература «расцветет еще пышнее». С точки зрения автора заметки, к 1930 году ее состояние уже приближается к расцвету, ей просто нужно немного помочь.

Более того, заметка упрекает некоторых писателей, приезжавших ранее, в ориентализме:

Приезжающие к нам иногда московские гости ищут подчас в Средней Азии «восточную экзотику», преклоняются перед «мудростью седого Востока», воспевают старые «дедовские обычаи» и всю ту рухлядь прошлого, которую республики Советского Востока выбросили в мусорную яму истории. Приезжие издалека гости в погоне за «экзотикой» — уходящим днем — не замечают изумительного по своей культурной и творческой насыщенности расцвета сегодняшнего дня Средней Азии, не видят всех исключительных по своей исторической важности социальных сдвигов²⁴.

Таким образом, периферия также выдвигает свои требования к центру. Новой должна стать не только литература Туркменистана, но и литература Москвы о республиках Азии. Именно поэтому перед писателями ставится задача не просто «подсмотреть», но создать себе определенные творческие ограничения (это в целом характерно для советской литературы, однако в нашем случае принципиален тот факт, что требование звучит в заметке местной газеты).

В заметке «Товарищеская встреча» описана встреча писателей с «партийными, советскими и литературными работниками»²⁵ в редакции «Туркменской искры». Помимо пересказа писательских заявлений, есть и выступления туркменской стороны, в частности Берды Кербабая, будущего лауреата Сталинской премии за роман «Решающий шаг»: «...**тов. Кербабая** выражает уверенность, что они, ознакомившись с нашей жизнью, возрожденной после Октября, введут Туркмению в художественную русскую литературу»²⁶. Обратим внимание, что здесь возникает риторика возрождения, а не создания. Несмотря на утверждения о «создании» туркменской литературы [Бурцева 2022], новые писатели все же не могли обойтись без опоры на предшествующую традицию. Советская власть не просто «создает» нацию, она утверждает за счет освобождения самобытной культуры от гнета. Это важно в контексте размежевания республик, так как легитимирует его. Писатели должны ввести Туркменистан в русскую литературу. Речь может идти о русском как языке-посреднике, однако в контексте предыдущей заметки эта связь может быть истолкована и как горизонтальная, то есть связь между республиками, которые имеют равный статус. Однако Кербабаяу кажется важным, чтобы Туркменистан получил репрезентацию на всесоюзном уровне. Таким образом, задача писателей состоит в следующем: не просто подробно описать, что они увидели, но и придать увиденному некий статус, заслуживающий внимания всей страны.

31 марта в «Туркменской искре» появляется еще одна заметка, «Ударная бригада писателей у текстильщиков», с подзаголовком «Мы приехали не ради простого любопытства!». Эта цитата из выступления Луговского ставит писа-

24 Там же.

25 Товарищеская встреча // Туркменская искра. 1930. 31 марта.

26 Там же.

телей в активную позицию по отношению к туркменской действительности, а разграничение «простого любопытства» и «изучения Туркменистана»²⁷ подразумевает отказ от экзотизирующего, ориенталистского взгляда на регион. Луговской добавляет: «Тут в сложнейших условиях строится новая пролетарская культура, куется новая социалистическая жизнь. Мы стремимся ознакомиться с вашим строительством, чтобы запечатлеть его в своих произведениях»²⁸.

Упоминая о «сложнейших условиях», Луговской как будто признаёт, что ситуация в Туркменистане кардинальным образом отличается от других регионов. Действительно, как замечает Халид, советская власть в Центральной Азии совершала пролетарскую революцию там, где пролетариата, по сути, не было. Примерную аналогию кулакам и буржуям представляли баи, зажиточные земле- и скотовладельцы²⁹, имевшие наемных работников. Луговской, возможно, имеет в виду чисто внешние факторы — когда человек вынужден заниматься, например, работой в поле, принимать участие в индустриализации и т.п. в условиях туркменского климата, времени на творчество у него остается мало, однако интересен сам факт такого заявления — Туркменистан предстает как регион, где еще многое должно быть сделано, регион, отстающий от остальных. С другой стороны, чем сложнее условия, тем труднее их преодолеть, а следовательно, имплицитно Луговской говорит и о том, что Туркменистан справляется с тем, с чем не справится никто.

Еще одна заметка на той же полосе — «Писатели в туркменском гостеатре». После посещения туркменского театра «Аул Гидже» Тихонов высказывается о том, что «игра молодых туркменских актеров значительно выше игры актеров других восточных театров»³⁰. Тихонов, возможно, намекает на формирование туркменской идентичности в контексте социалистического соревнования. Театр должен быть не просто хорош, он должен соперничать с другими. Таким образом, высказывание Тихонова здесь обусловлено и взаимодействием с местными интересами. Чтобы группа была принята не на словах, а на деле, следует обратить внимание на несомненные достоинства нового туркменского искусства.

2 апреля в заметке «Литературный вечер в гостеатре»³¹ впервые появляется оценка творчества писателей. И хотя она безоговорочно высока, это один из случаев, благодаря которому мы можем проследить местную реакцию:

В своем рассказе Павленко, автор известных малоазиатских рассказов, блеснул красотой отточенного слова и тонкостью психологического анализа. <...>

Стихи Тихонова проникнуты внутренней сосредоточенностью. Они глубоки по замыслу и формально просты. За этой простотой скрыта огромная творческая работа над словом и ритмом. <...>

«Соть» является поворотным пунктом в творчестве Л. Леонова — одного из лучших наших прозаиков. <...> Это замечательное произведение написано в типично леоновской манере — широкий охват темы, богатейшая людская галерея и драматичность положения. При всем этом блестящий по своей красоте словес-

27 Ударная бригада писателей у текстильщиков // Туркменская искра. 1930. 31 марта.

28 Там же.

29 См.: [Khalid 2021: 2016]. Речь идет о Казахстане, но это приложимо и к другим центральноазиатским республикам.

30 Писатели в туркменском гостеатре // Туркменская искра. 1930. 31 марта.

31 Чтения упоминаются также в [Holt 2013a: 116], однако очень сжато.

ный покров повести Л. Леонов владеет словом, как музыкант-виртуоз инструментом³². <...>

Санников лиричен, это — поэт интимных настроений и тонкой душевной мягкости, но эта «интимность» особого свойства. <...> Стихи Санникова социально насыщены. Они воспевают не экзотику старого Востока, они отражают в своих риторических звучаниях гул пробуждающегося к новой жизни поработанного Востока. <...>

В. Иванов прочитал рассказ о том, как он был факиром. <...> ...в этом рассказе находит отражение весь блеск замечательного писательского мастерства Вс. Иванова.

Вл. Луговской с большим искусством декламировал свои стихи. Они выразительны в своей словесной конструкции, богаты внутренним содержанием. В. Луговской один из немногих наших поэтов, которые с исключительной художественной выразительностью запечатлевают в поэтических образах волевою бодрость социалистической эпохи³³.

Писателей хвалят в первую очередь за личное художественное мастерство, то есть за производство качественной авторской литературы. Для каждого из них журналист выбирает описание скорее индивидуальных, чем коллективных черт, описывая, в противоречие к поставленной перед бригадой задаче, чем они отличаются друг от друга. Это связано и с тем, что писатели читают то, что было, вероятно, создано ранее, тогда, когда перед ними стояли другие цели. Неизвестна непосредственная реакция аудитории, однако эта заметка дает представление о том, как в республике мог восприниматься конечный продукт. Если отбросить оценочные суждения, остается следующее. Павленко достается психологический анализ, кроме того, подчеркивается, что с азиатской темой он знаком, а значит, задача описать Туркменистан может быть для него легкой. У Тихонова подчеркивается простота, но при этом указывается на творческую работу, которой, очевидно, ждут от него и в альманахе. Роман «Соть» Леонова — очевидный выбор, отрывок был опубликован в «Туркменской искре», то есть признан образцовым для конструирования новой литературы. Приписывая Санникову социально насыщенную интимность, автор заметки противопоставляет экзотику и новый Восток, пробуждающийся и выходящий из поработанного состояния. Противопоставление старого и нового Туркменистана станет характерной моделью литературно-критической риторики начала — середины 1930-х годов. У Луговского же «волевая бодрость социалистической эпохи» коррелирует как с общими тенденциями 1930-х годов, так и с репутацией самого автора. Все эти писатели, читая со сцены, должны были стать образцами для туркменской литературы.

3 апреля выходит другой текст, отчасти отражающий реакцию периферии. Это стихотворение Г.Н. Веселкова «С боем! (Бригаде писателей)»:

Время, время —
кузнец упорный,
 Перевитая ветром цепь...
 Дни туманом уходят в горы,
 Голубыми цветами — в степь.

32 Грамматическая ошибка в источнике.

33 К.Т. Литературный вечер в гостеатре // Туркменская искра. 1930. 2 апреля.

бригады. Таким образом, периферия уравнивает себя с центром. Если писатели должны «познать Туркмению изнутри», то Туркменистан, в свою очередь, должен поддержать писателей. Отсюда, вероятно, и призывный пафос стихотворения (характерный, впрочем, для литературы тех лет). Так или иначе, деятельность писателей здесь выглядит едва ли не героической. Именно они вместе с местными литераторами создают новую страну. Веселков здесь фактически выступает от лица Туркменистана как один из его наиболее продуктивных поэтов.

В заметке «Бригада московских писателей в Туркмении» с подзаголовком «Часть писателей выехала в Москву, часть продлит свое пребывание в ТССР» от 13 мая 1930 года сообщается, что Луговской, Павленко и Тихонов продолжают оставаться в Туркменистане, а Иванов, Леонов и Санников уехали в Москву. Очевидно, писатели посчитали, что коллективная работа на этом завершена, и трое задержались, чтобы набрать чуть больше материала. В заметке точно описано, как писатели совершали свой путь, названы топонимы, а также его протяженность — 2170 верст по железной дороге, 805 — на автомобиле, 221 — верхом и 300 — по воде³⁵. Также в заметке обозначен итоговый план. Иванов «предполагает написать рассказ о плавании бригады по Аму-Дарье на фоне быта этого интереснейшего района»; Леонов задумывает «повесть — борьба с саранчой, в которой центром тяжести явится показ организованной массы как величайшей силы в борьбе со стихией»; Луговской «пишет стихи о быте виденных им районов и, кроме того, предполагает дать серию очерков о новой женщине, текстильной промышленности, быте пограничников и Красной армии»; Павленко «работает над вещью о воде и предполагает дать рассказ или пьесу из жизни пограничников и очерк о колхозах»; Тихонов напишет о «колхозах-кочевников (sic!), о Копет-Даге, о борьбе с басмачеством»; а Санников — «о ковротканном промысле, пограничных колхозах и хлопке»³⁶. Кроме того, Луговской и Тихонов собирались перевести несколько стихотворений туркменских поэтов, а значит, альманах должен был стать и их голосом на общесоюзном уровне.

Альманах «Туркменистан весной» был сдан в набор 23 апреля 1932 года, таким образом, на его создание у писателей ушло около двух лет, и продукт получился разнородным. В него вошли повесть Леонова «Саранчуки», роман в стихах Санникова «В гостях у египтян», «Острозубец из совхоза Байрам-Али», «Ответственные испытания инж[енера] Нур-Клыча», «Бухгалтер Г.О. Сурков, честно погибший за свою идею», а также сценарий «Гибель Наиб-Хана» Иванова, стихотворения Луговского «Большевикам пустыни и весны», «Посевная», «Пустыня и я», «Ночь в Чимин-и-Бите», «Гибель экзотики», «Ветерит» и «Земли Красной звезды», повесть Павленко «Пустыня», стихотворения Тихонова «Люди Ширама», «Весна в Дейнау, или ночная пахота тракторами “Валлис”», «Искатели воды», «Ворота Гаудана», «Завернувшиеся в плащи», «Подражание туркменскому», «Белуджи», «Джемшиды», «Кара-Кала», очерк Леонова «Поездка в Маргиан», рассказы Павленко «Шелк» и «Чувство воды»³⁷. Таким об-

35 Бригада московских писателей в Туркмении // Туркменская искра. 1930. 13 мая. Приведено также в [Нолт 2013а: 115].

36 Там же.

37 Мы приводим произведения в той последовательности, в которой они следуют в альманахе.

разом, намеченный план частично был выполнен (Леонов написал о борьбе с саранчой, Санников — о ковре, Павленко — о воде).

Некоторые из этих произведений печатались также в газете «Туркменская искра». Отметим здесь, что перед стихотворением «Трактор в горах», опубликованном в подборке Тихонова, стоят пометы «с туркменского» и «Кербабаев». Текст оказался переводным и ранее выходил на страницах туркменской периодики³⁸. Таким образом, хотя бы в одном тексте была представлена туркменская поэзия, как того хотели Луговской и Тихонов.

Альманах сочетает стихотворные и прозаические тексты, так или иначе представляющие советский Туркменистан. По объему он занимает 8,5 печатных листов, причем, как было сказано выше, роман Санникова прямого отношения к Туркменистану не имел (за исключением одной главы) и был, судя по всему, написан под впечатлением о поездке через Узбекистан. Надпись на титульной странице следующая:

Альманах первой писательской бригады Огиза и «Известий ЦИК СССР», совершившей поездку по Туркменистану весной 1930 г. в составе: Л. Леонова, Вл. Луговского, Вс. Иванова, П. Павленко, Г. Санникова и Н. Тихонова³⁹.

Предполагалось, по-видимому, что поездки будут регулярными, и за первой последовала вторая в 1934 году, по материалам которой был создан альманах «Айдинг-Гюнлер» (М.: [ГИХЛ,] 1934).

Хотя наша статья по преимуществу посвящена творчеству писателей из центра, она в то же время характеризует проект советской туркменской литературы 1930-х годов. Деятельность первой писательской бригады, как было показано, позволяет дополнительно прояснить отношения между центром и периферией, характерные для этого проекта. Он ставил писателей в положение сотрудничества, а следовательно, необходимо учитывать и те условия, в которых готовились совместные публикации русско- и туркменоязычных авторов.

Мы привели выдержки из записных книжек лишь Санникова, однако применительно к ним важно говорить о личных интересах писателя. Конечно, проект был инспирирован государством, и, конечно, работа велась по намеченному плану, нацеленному на конечный продукт — альманах, однако это не исключало творческих интенций самих писателей. Во всяком случае, по записям заметно, что Санникову действительно интересен Туркменистан.

Иногда в приведенных нами заметках встречается прямое восхищение приезжими писателями. Однако главное в приведенных нами заметках — требование от писателя погрузиться в жизнь региона, именно при этом условии можно получить конечный продукт подходящего качества. Противопоставляя себя ориентальной «экзотике», писатели породили новое расположение литературных сил.

Таким образом, говоря о советском проекте производства литературы о периферии и — в перспективе — литературы на периферии, мы сталкиваемся с рядом методологических проблем. Иерархия осложняется тем, что не только требуется «создать» туркменскую литературу, но и писателям из центра

38 *Kerbaabajyf B. Daaglarda tьgaaktьr // Turkmen medenijeti. 1930. № 2. С. 20.* Роспись журнала «Туркмен меденіјеті» любезно предоставлена А.Р. Ихсановым.

39 Туркменистан весной. Альманах. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1932.

нужно «учиться у жизни» в Туркменистане (показательно в этом смысле, что в «туркменбалладах» Санников использует стилизацию и имитацию под «запев бахши⁴⁰»). В то же время и мы, как исследователи, изучая отношения центра и периферии, часто сами смотрим теми же глазами, что и писательские бригады, ездившие в Туркменистан. И здесь следует говорить о возможной смене оптики, когда перед нами встает задача посмотреть на процесс не только сверху вниз, но и снизу вверх.

Библиография / References

- [Бурцева 2022] — *Бурцева А.О.* Конструирование туркменской литературы в СССР в середине 1930-х годов: от колониального гнета к сталинскому раю // ШАГИ/Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 303—317.
- (*Burtseva A.O.* Konstruirovaniye turkmenской literatury v SSSR v seredine 1930-kh godov: ot kolonial'nogo gneta k stalinskomu rayu // ShAGI/Steps. 2022. Vol. 8. No. 4. P. 303—317.)
- [Козицкая 2022] — *Козицкая Ю.М.* Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
- (*Kozitskaya Yu.M.* Kazakhskaya literatura kak chast' proekta "mnogonatsional'noy sovetskoй literatury" v 1930-e gody: PhD Thesis. Moscow, 2022.)
- [Мурадов 2002] — *Мурадов Р.Г.* Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международный ежегодник: 2000—2001 / Отв. ред. Р.Г. Мурадов СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. С. 164—178.
- (*Muradov R.G.* Paradigma "Turkmenovedeniya" // Kul'turnye tsennosti: Mezhdunarodnyy ezhegodnik: 2000—2001 / Ed. by R.G. Muradov. Saint Petersburg, 2002. P. 164—178.)
- [Халид 2022] — *Халид А.* Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период. СПб.: Academic Studies Press, 2022.
- (*Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Saint Petersburg, 2022. — In Russ.)
- [Dobrenko 2022] — *Dobrenko E.* Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922—1932 // Slavic Review. 2022. Vol. 81. Iss. 4. P. 869—890.
- [Edgar 2006] — *Edgar A.L.* Tribal Nation: The making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton UP, 2006.
- [Holt 2013a] — *Holt K.* The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921—1935: PhD Thesis. New York, 2013.
- [Holt 2013b] — *Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 57—83.
- [Kassymbekova 2016] — *Kassymbekova B.* Despite Cultures. Early Soviet Rule in Tajikistan. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2016.
- [Khalid 2021] — *Khalid A.* Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2021.
- [Kudaibergenova 2017] — *Kudaibergenova D.* Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. Lanham, MD; London: Lexington Books, 2017.